

Белла Кердман

Насчет холеры в Одессе

Один наш родственник, полагавший себя юмористом, говорил: «Ну, расскажи уже что-нибудь веселенького – как насчет холеры в Одессе?». И однажды летом 1970-го она таки у нас случилась.

На днях я посмотрела в Интернете новый фильм Валерия Тодоровского «Одесса». Ожидала, согласно рекламе и анонсам, что он про холеру. Но нет, хотя зачин сюжета и время действия там то самое, холерное. А фильм – про большую еврейскую семью, где кто-то затеял ехать в Израиль, а кто-то ощущает себя советским и даже русским человеком и считает, что уехать – значит предать Родину. Там и про любовь несбыточную между несовершеннолетней племянницей и ее взрослым дядей, и скелеты в шкафу. Прекрасна игра актеров, в частности Ярмольника, неузнаваемой Розановой, Цыганова, да и всего состава. Только сейчас я поведу речь не о фильме, а собственно о холере в Одессе.

Но сначала – несколько слов о режиссере и продюсере этого фильма. Он мой земляк, родился в Одессе 8 мая 1962 года. А 2 мая того же года, когда по обычаям страны нашего исхода продолжали отмечать праздник трудящихся, ко мне в гости привели его родителей Петра и Мирру Тодоровских. Петя был с гитарой, много пел, в основном Шпаликова и Окуджаву, а Миррочка, целиком погруженная в близкое материнство, сидела молча, забравшись с ногами на диван. Так мы познакомились. И время от времени общались, а когда Валерику исполнился год, я оказалась единственной гостьей из не родственников на его дне рождения. И, естественно, внимательно следила за операторскими, а затем и режиссерскими работами Петра и за творчеством выросшего

уже в Москве Валерия и матери семейства Мирры, нашедшей себя в продюсерстве. Кое-что о Тодоровских публиковала (в том числе в АПН).

Итак, насчет холеры в Одессе. Я работала тогда в сельхозотделе областной партийной газеты «Знамя коммунизма», и больше моего по колхозам и совхозам области никто не ездил. Мне это нравилось. Казалось, что нас, газетчиков, только в селе еще воспринимают всерьез. Да, надо сказать, что перевели меня во «взрослую» газету из молодежи, когда мой комсомольский возраст подошел к концу. Причем дали в руки письменное распоряжение для редактора, который антисемитом не был, но уже имел в штате предостаточное число евреев и без меня. Так что перевод «по распоряжению обкома КПУ» зафиксировали в моей трудовой книжке, копию которой я храню.

Важная для меня история того времени, к теме холеры имеющая косвенное отношение. Надо знать, что в городе Одессе находился крупнейший научно-исследовательский центр: Всесоюзный селекционно-генетический институт (ВСГИ). Носил он одно время имя бывшего своего директора – Трофима Денисовича Лысенко, и следы сбитого с входной арки одиозного имени потом долго еще проступали не только в камне, а и в духе, царившем в головном селекционном центре растениеводства Советского Союза.

Одесса, что для вольного нашего города было удивительно, оставалась оплотом лысенковщины и после разоблачения личности Трофима Денисовича. Причем это касалось не одного лишь ВСГИ, а и вузов – агрофака сельхозинститута и биофака университета. В Ленинграде генетике уже вернули легитимность, а наши студенты только облизывались на тайком пронесенный в аудиторию тоненький новый учебник ленинградского издания. Мне дали его поддержать и полистать, и я гордилась таким доверием будущих агрономов.

В ту смутноватую пору молодой специалист Григорий Максимчук был сотрудником ВСГИ, обретался при одном из столпов отечественной селекции – Ф.Г. Кириченко, академике и герое соцтруда. Сказать о Федоре Григорьевиче «лысенковец» – мало сказать: он был не просто сторонником «корифея», он был его

копией, ухудшенной и дополненной. Коварный, завидующий интриган, опасный для всякого, в ком учует угрозу для своего, как теперь бы сказали, имиджа. Кириченко долгие годы заведовал в ВСГИ отделом пшениц, но на личном счету его имелся лишь один значительный для своего времени сорт. Да и тот был выведен в соавторстве с женой, и основной вклад в авторский тандем молва числила за ней.

Не знаю, чем не угодил шефу Максимчук, которого тот со словами «селекционером тебе не быть, ступай в агрономы!» от себя отлучил. К счастью, говорили потом доброжелатели Григория Павловича. Максимчук стал работать в сельскохозяйственном вузе, защитил кандидатскую. Руководил агрономической практикой студентов в учебном хозяйстве. И там, без фитотрона – станции искусственного климата, каковая к тому времени (первая в Союзе!) уже появилась в ВСГИ, без лабораторий, разве что весы имелись под рукой, без аспирантов, ассистентов и прочих помощников человек создал потрясающий, уникальный сорт пшеницы!

Это была тихая сенсация. Мне рассказал о ней один из молодых сотрудников сельхозинститута, даже горсть зерна принес в редакцию. «Смотри, – говорит, – какое выровненное, нарядное. Причем это сильный сорт!» Я понимала, что в данном случае мой информатор не метафоры употребил, а вполне профессиональные определения: крупное, с красноватым отливом зерно в официальной характеристике вполне можно назвать «нарядным»; а пшеницы бывают не только мягкие и твердые, а и сильные – относительно недавно стали выделять в Союзе этот важный качественный параметр. Пшеница Максимчука, к тому же, вынослива в условиях нашего засушливого степного климата и высокоурожайна – мне была передана соответствующая документация. Однако на колхозные-совхозные гектары «эритро-спермум-127» (с таким неприличным на чей-то слух словом меня не хотели сначала пускать на страницы родной газеты, а это просто название одного из четырех существующих типов пшеницы плюс порядковый номер варианта, из которого селекционер рассчитывал получить новый сорт, а затем и на поля) не допускали. В поездках по области я стала рассказывать колхозным-совхозным агрономам о сорте Максимчука, и они, добывая в учхозе или

у коллег из других хозяйств, уже раздобывших его, торбочку семян, потащили нерайонированный «эритроспермум» в посевы, скрывая его под другим именем. А когда сорт узаконили, он уже занимал площади, больше отводимых обычно для «новичка». Увы, автор до этого не дожил. Но я успела с ним встретиться и рассказать, что его пшеница триумфально шагает по области. И пожаловаться, что его бывший шеф Кириченко прислал на меня в редакцию «телегу», в которой сказано, что я настраиваю агрономов против ученых, пропагандирую остистую пшеницу, которая восприимчива к вирусным эпидемиям и радиации. Редактор на всякий случай вынес мне выговор без занесения. Но мои публикации о сорте Максимчука с «неприличным» названием стали выпускать в свет. Жалоба академика развеселила тяжелобольного Григория Павловича. По его совету я обратилась в какой-то Первый отдел, где тоже повеселились над такой чушью. Спустя время меня пригласили к ректору сельхозинститута, велели расписаться и выдали премию Министерства СХ СССР «за пропаганду нового, перспективного сорта пшеницы» – 200 рублей, немалые тогда деньги. Вот такая была история. К сожалению, коротко рассказать не получилось...

Итак, в Одессе холера. Город закрыт, никого не впускают и не выпускают. На судах, стоящих на рейде, реют желтые флаги карантина. Цыганский театр «Ромэн», гастролировавший в те дни в нашем городе, в полном составе явился в областной комитет партии и расселся на полу второго этажа, где был кабинет первого секретаря товарища Козыря. Цыгане, хранящие в поколениях многовековой холерный ужас, требовали немедленной отправки в Москву, иначе не сойдут с места. И партийный комитет в порядке исключения цыганский театр выпустил, дабы не усугублять панику, начинавшуюся в городе.

У меня появилась нежданная гостья – Лидия Васькина, с которой мы пару лет прожили в одной комнате общежития томского университета. Нас было восемь девок, студенток историко-филологического факультета, в том числе Лидка, про которую говорили: «Васькину хоть наголо обрей, все равно красивая будет!». У нашей красивой Васькиной был в Москве жених – видный деятель комсомола, которого привечала ее мама, а сама Лидка

не любила. Ко мне она явилась с мужем, но явно не с избранником мамы. Они отдыхали в одном из санаториев нашего города и попали в карантин. Просят помощи: я же газетчик, неужели не могу устроить для них пропуск на выезд? Не могу! Хотя сама в тот момент собирала дорожную сумку на выезд за пределы города, в область.

Мне рассказали первый одесский анекдот «за холеру». Значит так. На знаменитой нашей толкучке стоит Рабинович и держит баночку с, извините, фекалиями. Звучит диалог: «Это у вас что, говно?» – спрашивает удивленный посетитель. «Нет, это кал». – «Но кто же у вас его купит?» – «Кому нужен хороший анализ, тот купит!» – уверенно отвечает Рабинович.

Одесщина, несмотря на Черноморское пароходство и серьезную отрасль точного машиностроения, была, прежде всего, огромной сельскохозяйственной областью, от которой планировался весьма существенный вклад зерна в закрома родины. И урожай в тот год созрел отменный, уборочная страда была в стадии завершения, а тут – холера, пришлось закрывать областной центр на карантин! Но как же можно оставить важнейший этап «битвы за урожай» – хлебосдачу – без главного партийно-советского руководства?! А если из какого-то колхоза можно вывезти на эlevator сколько-то тонн хлеба сверх плана и взятых ранее обязательств, а председатель зажмет? А если кто-то повезет в закрома сорное или влажное зерно? Да, есть партийное и советское руководство в каждом из 26 районов, люди работают. Но есть же и областное руководство, оно что, может в такое время оставить важный процесс без своего участия?!

И «верха» пошли на создание двух выездных «одесских правительств» – северного, с центром в г. Котовске, и южного, с центром в г. Болграде. Замечу, южная территория области – это бывшая Бессарабия, которую Советы «освободили» от боярского ига Румынии в результате Второй мировой войны. Там, в основном, не деревни, а небольшие города – Измаил, Рени, Татарбунары, Тарутино... И проживают в них не только украинцы и русские, а и молдаване, болгары, гагаузы. Народ, не пуганный колхозами, вел себя относительно независимо, так что управлять хозяйствами Юга было непросто.

В каждое из выездных «правительств» включили журналиста; в Котовск отправился коллега из украинской областной газеты, а в Болград вместе с главным инженером облсельхозуправления Коевым, в его машине, – я. На выезде из города кавалькаду машин остановил патруль. К нам бросился майор, спросил взволнованно: «Товарищи, скажите, ради бога, что в Одессе?!». Оказывается, по слухам, город был полон трупов! Как умели, успокоили бойцов из роты внутренних войск, окруживших город с 3-го на 4-е августа. К тому времени мы знали об одном летальном исходе: это был рабочий с полей орошения, где проходила фильтрация сточных вод. В итогах одесского холерного периода говорили о двадцати жертвах.

Коева, толкового инженера, с кем меня отправили в командировку, уважали в хозяйствах. К тому же, он был болгарин, из местных, то есть свой. В одном из колхозов нас привели в особую лабораторию, расположенную глубоко под землей. Да, надо отметить, что Одесщина была не только зерновой областью, а и крупной зоной виноградарства и виноделия, особенно наш юг, а натуральное вино считалось противохолерным средством, так что пили все, кто красное, кто белое. Лаборатория, куда нас пригласили, была республиканского или союзного ведомства: мы застали там двух не местных ученых-виноделов. Из ниши была извлечена покрытая пылью и паутиной бутылка вина почтенного возраста, не помню, какого, и разлита по чуть-чуть в рюмочки. Все, благоговейно смакуя, приняли по паре глотков. На меня вопросительно посмотрели. Пришлось признаться, что на меня зря потратили дегустационный шедевр – для меня это просто вино.

Да, пили все, по многу, это запомнилось. А вот что я в той командировке писала, удавалось ли что-то отправить в Одессу (каким образом?), не помню. Скорее всего, написала статью для родной газеты, используя заметки из блокнота, по возвращении, тем более что вернули нас в город не через месяц, как собирались, а дней через десять-двенадцать.

Наконец признали, что холерный вибрион содержится в морской воде. Возможно, он давно там копился, так что купаться в море строго запретили. Но однажды моя сотрудница увидела рано утром бегущего с дачи к берегу главного санитарного врача

города в трусах и с полотенцем на плече и побежала следом. И этот запрет с себя и своего семейства, а также с друзей и знакомых сняла.

А весной следующего года мы, трое одесских журналистов, попали в наш профессиональный Дом отдыха в Болгарии, на Золотых Песках. Коллеги-поляки из того же заезда старались держаться от нас, «холерных», подальше, И вдруг один из них бежит по пляжу с криком: «Холера ясна, она юж в Гданьську!». Так что сторониться друг друга уже не было смысла.

От редактора. Белла Феликсовна Кердман в 50-60-е годы была наставницей молодых журналистов «Комсомольского племени». Сначала она поставила на крыло Юрия Михайлика, а он затем привел в эту газету меня. Тогда наши остряки придумали фразу, ставшую крылатой: «Белую работу делает Белла, черную – Рыжий», – я в то время обладал огненной шевелюрой...

Прошли годы, и мы с Беллой встретились в газете «Знамя коммунизма», которая оказалась, пожалуй, самой активной и удачливой в дни карантина 1970 года. В те горячие дни, когда спецкор сельхозотдела готовила материал в районах области, репортеры Алексей Иванов и Феликс Кохрихт первыми из одесских коллег проникли в инфекционную больницу и опубликовали оттуда интервью с врачами, где впервые упоминалось слово «холера». Знаменательно, что в этом номере альманаха, который готовился в дни карантина-2020, мы снова вместе: Юрий Михайлик, вспоминающий те далекие дни в Австралии, Белла Кердман – из Израиля, и я, который никуда из Одессы не уезжал.

